

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Дэвид М. Котц

ГОСУДАРСТВО И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ: РОССИЙСКИЙ И КИТАЙСКИЙ ОПЫТ ПЕРЕХОДА К РЫНКУ*

Введение

В большинстве стран мира на сегодняшний день ведущие позиции занимают неоллиберальные идеи и институты. Неоллиберализм прежде всего связывается с тезисом о минимальной роли государства в экономике. В соответствии с этим представлением устранение государства из экономической сферы обеспечивает достижение оптимального баланса между эффективностью, распределением дохода и технологическим прогрессом. Государство в качестве экономического агента рассматривается как неизбежный источник коррупции, неэффективного распределения ресурсов, произвольного перераспределения богатства и препятствие экономическому прогрессу.**

Наиболее смелым заявлением неоллиберализма является то, что он якобы предлагает наилучший и единственно эффективный способ осуществления крупной экономической трансформации. Здесь подразумеваются два ее типа. Первый предполагает экономическое развитие, направленное на повышение уровня экономического развития страны, т. е. уровня жизни и уровня развития технологий.*** Второй представляет собой переход от экономической системы, основанной на центральном планировании, к новой системе, основанной на рыночных принципах.

Торжество неоллиберализма в течение последних двадцати пяти лет парадоксально, ибо его принципы не согласуются с историческим опытом, прежде всего в области экономического развития и экономической трансформации. Если рассмотреть процесс экономического развития, то даже в истории стран – основных столпов неоллиберализма – США и Великобритании не находится подтверждения их сегодняшним поучениям.

* Автор благодарит за помощь в написании данной статьи И. Левину, Дж. Морсе и Чжу Аньдуна.

** Гровер Норкист, влиятельный советник по налоговой политике при администрации США Дж. В. Буша, утверждал, что конечной целью существенного снижения налогов, предпринятого администрацией Буша, является сокращение роли правительства до размеров, когда его можно втащить в ванную комнату и выкинуть в ванну.¹

*** Экономическое развитие предполагает дополнительные изменения в экономике и других аспектах жизни общества, таких как индустриализация и урбанизация.

КОТЦ

Дэвид М.

– проф. экономического факультета Массачусетского университета (США). Получил степень Ph.D. по экономическим наукам в 1975 г. (Университет Калифорнии, Беркли). Работает в исследовательском институте политической экономики и в Center for Popular Economics (Amherst, MA). Член союза радикальной политической экономики. Автор нескольких монографий, в том числе «Bank Control of Large Corporation in the United States» (Berkeley: University of California Press, 1978), переведенной в 1983 г. на русский язык. Автор нескольких десятков статей, многие из которых переведены в России, Китае, Японии и других странах. Сфера научных интересов: российская экономика, сравнительные экономические системы, макроэкономическая теория и политика, марксистская политическая экономика.

© Дэвид М. Котц, 2005

© Л. В. Попова, перевод, 2005

Традиционно считается, что Великобритания достигла промышленного превосходства на рубеже XVIII–XIX вв. благодаря проведению политики свободной торговли (*Laissez faire*). Однако, как показал Чан Хажун, в критический период, когда в ходе промышленной революции Великобритания догоняла своих соперников на континенте, государство активно вмешивалось и во внутреннюю экономическую политику, и во внешнюю торговлю страны в целях продвижения экономических интересов Великобритании.² В США в XIX в. государство устанавливало высокие тарифы и активно инвестировало в развитие национальной транспортной системы, что способствовало выдвиганию США из положения аграрной страны на позиции лидирующей промышленной державы мира к концу столетия. Свободная торговля и неолиберализм в целом стали поощряться в обоих случаях только после того, как страны стали настолько сильными в экономическом отношении по сравнению со своими конкурентами, что уменьшение роли государства во всех странах стало служить средством продления экономического лидерства доминирующей державы.

Опыт стран, позже вступивших на путь индустриализации, еще более впечатляющий. Япония, СССР и Южная Корея – страны, совершившие рывок в своем развитии и перешедшие из категории менее развитых стран в разряд промышленных держав с высоким уровнем доходов благодаря использованию стратегии развития под руководством государства, что серьезно нарушает все предписания неолиберализма. История не знает ни одного примера, когда крупная страна смогла совершить серьезный рывок в своем развитии, полагаясь на неолиберальный подход.

Второй тип экономической трансформации – переход от централизованно планируемой к рыночной экономике, казалось бы, предоставляет больше шансов для успешной реализации неолиберальных идей. Тем не менее в настоящей статье утверждается, что для успешного осуществления экономической трансформации, так же как и в случае экономического развития, стратегия трансформации, предполагающая руководящую роль государства, лучше неолиберальной стратегии. Хотя переход к рыночной экономике предполагает отказ от полностью огосударственной экономики, это не означает, что лучший способ достижения данной цели состоит в использовании только возможностей негосударственного сектора. Тот факт, что роль государства должна изменяться в ходе рыночной трансформации, делает роль государства в этом процессе весьма сложной. Вместе с тем рыночная трансформация может успешно осуществляться только при условии активного вмешательства и руководства со стороны государства.

Активная роль государства в экономике сама по себе не гарантирует успеха как в осуществлении экономического развития, так и при переходе к рынку. Ошибочная политика государства не способствует достижению этих целей. Государство может стать институтом, который будет паразитировать на обществе и препятствовать экономическому прогрессу. Вместе с тем, если в целях форсирования экономического развития или в процессе перехода к рыночной экономике государство проводит политику невмешательства, полагается на действия индивидов и роль таких факторов, как предпринимательство, сравнительные преимущества и приток иностранного капитала, – оно непременно потерпит неудачу. Причем степень поражения потенциально больше при осуществлении экономической трансформации, чем при форсировании темпов экономического развития. В последнем случае неудача приведет к стагнации и закреплению невыгодного положения страны в мировой экономике. При экономической трансформации следствием приверженности неолиберальной стратегии может стать быстрый откат назад или, что еще хуже, экономический и социальный коллапс.

В настоящей статье рассмотрен опыт рыночной трансформации в России и Китае с целью сравнения эффективности неолиберальной стратегии перехода и стратегии, предполагающей государственное руководство. В разделе 1 производится анализ рыночной

трансформации в России после 1992 г., которая осуществлялась в соответствии с неолиберальной стратегией. В разделе 2 рассмотрен китайский опыт рыночных реформ с 1978 г., проводившихся в соответствии с иным подходом, отличным от неолиберальной стратегии. В разделе 3 предпринята попытка объяснить, почему страны, успешно использовавшие стратегию перехода к рыночной экономике под руководством государства, такие как Китай, со временем вынуждены переходить к неолиберальной стратегии. В заключительных комментариях содержатся некоторые выводы.

1. Рыночная трансформация в России

Россия стала самостоятельным государством после распада СССР в конце 1991 г. новое Правительство России с самого начала, следуя рекомендациям МВФ и собственных ведущих экономических советников при Правительстве, выбрало неолиберальную стратегию перехода к рынку.³ Главной чертой российской стратегии рыночной трансформации стал поспешный отказ государства от регулирования экономики. Ключевые особенности этой стратегии перехода состояли в следующем: 1) немедленное прекращение контроля над ценами; 2) быстрая приватизация предприятий; 3) быстрое устранение остающихся элементов государственного руководства деятельностью предприятий; 4) резкое сокращение социальных расходов; 5) жесткая денежная политика; 6) быстрое устранение барьеров на пути трансграничного движения товаров и капиталов. Россия выполнила все эти условия быстрее, чем кто-либо мог ожидать этого. Единственным важным отступлением от неолиберальной стратегии было сохранение контроля за внутренними ценами на нефть и газ, а также регулирование экспорта.

Сторонники неолиберальной стратегии для России утверждали, что ее использование после короткого переходного периода обеспечит формирование эффективной, технологически прогрессивной и успешной рыночной системы. Либерализация цен, приватизация и устранение остатков государственного управления предприятиями – все эти действия, как предполагалось, должны были способствовать быстрой замене централизованного планирования эффективной рыночной системой. Освобождение контроля над ценами, как ожидалось, подстегнет инфляцию, а жесткая фискальная и денежная политика быстро поставит инфляцию под контроль без негативных, как это думалось, последствий для реструктуризации и экономического роста в долгосрочной перспективе. Политика свободной торговли и либерализация движения капитала позволят получить выгоды от специализации России на мировом рынке за счет использования относительных преимуществ и получить иностранный капитал, который поможет модернизировать российскую промышленность.

Несмотря на череду отставок премьер-министров после 1992 г. (за исключением недолгого периода в 1998–1999 гг., когда этот пост занимал Е. Примаков) и передачу президентской власти Б. Ельциным В. Путину в конце 1999 г., Россия неизменно придерживалась неолиберальной стратегии перехода к рыночной экономике. Результаты реализации этой стратегии хорошо известны. С 1991 по 1998 г. Россия пережила наиболее жестокий и продолжительный экономический спад, который когда-либо наблюдался в мирное время в новейшей истории в какой-либо из крупных стран. В течение этого периода российский ВВП сократился на 46%, а совокупные инвестиции – на 81%. По сравнению с уровнем 1990 г. к 1998 г. снижение российского ВВП составило 51%, а совокупных инвестиций – 84%.*

* Недавно Госкомстат пересмотрел данные по ВВП и совокупным инвестициям. В соответствии с новыми данными, спад ВВП в начальные годы трансформации оказался меньшим, в итоге спад в 1991–1998 гг. составил 40%, а в период 1990–1998 гг. – 46%. Данные по инвестициям свидетельствуют о существенно большем

С 1999 г. в российской экономике наметился подъем. Можно назвать две причины перехода российской экономики в 1999 г. от экономического спада к росту. Первая – это разрушительный финансовый кризис августа 1998 г., когда Россия была вынуждена объявить дефолт по своему внешнему и внутреннему долгу, вызвавший 71%-ную номинальную и 65%-ную реальную девальвацию рубля по отношению к доллару.* В результате девальвации произошло удорожание импорта, который стал недоступен для большинства местных потребителей, что, в свою очередь, явилось стимулирующим фактором для развития российской промышленности; конкурентоспособность же российского экспорта повысилась. Вторая причина состояла в том, что в сентябре 1998 г. на спаде финансового кризиса Государственная Дума заставила временно ослабленного президента Б. Ельцина назначить на пост премьер-министра представителя левоцентристских сил – Е. Примакова. Кроме того, на некоторые важные экономические посты были назначены члены КПРФ. Е. Примаков, популярность которого с течением времени все более возрастала, пробыл на посту премьер-министра до апреля 1999 г., после чего был отправлен Б. Ельциным в отставку. Пока Е. Примаков находился на посту премьер-министра, Россия на непродолжительный период времени отошла от неолиберальной стратегии, что, в частности, выразилось в ослаблении фискальной и денежной политики. Эти два фактора – резко подешевевший рубль и более экспансионистская макроэкономическая политика – подстегнули спрос на российскую продукцию и в конечном итоге способствовали переходу российской экономики в 1999 г. от длительного упадка к экономическому росту.**

Среднегодовой рост российского ВВП в 1998–2003 гг. составил 6,7%, в результате к 2003 г. величина ВВП равнялась 67% от уровня 1990 г. При условии сохранения таких темпов роста Россия сможет восстановить уровень ВВП 1990 г. только к 2009 г.*** В этом случае можно будет сказать, что России потребовалось 19 лет только для того, чтобы выбраться из ямы, в которую она свалилась, следуя неолиберальной стратегии перехода к рынку.

Однако такая перспектива была бы слишком оптимистичной. После завершения действия стимулирующего эффекта девальвации рубля 1998 г. и непродолжительного периода более экспансионистской политики Е. Примакова продолжающийся рост российской экономики стал подогреваться мировым рынком нефти. Цены на нефть на мировом рынке резко выросли в 2000 г. с обычного уровня 111 долл. за тонну в 1999 г. до 180 долл. в 2000 г. и колебались в пределах от 156 до 182 долл. в 2003 г.⁷ Делались различные оценки вклада благоприятной ситуации на нефтяном рынке в рост российского ВВП после 1999 г. Средний темп роста российского ВВП в год в 1999–2003 гг. составил 6,75%. Мировой Банк подсчитал, что рост цен на нефть на мировых рынках в течение этого периода был обеспечен за счет 1,94% годового роста российского ВВП, а другие факторы добавили еще 4,80%.⁸ Таким образом, в соответствии с этой оценкой 29% роста российского ВВП было достигнуто за счет нефтяного сектора. Российский экспорт состоит преимущественно из

сокращении инвестиций в первые годы трансформации и особенно в 1998 г., в конечном итоге падение инвестиций к 1998 г. по сравнению с 1991 г. составило 89 %, а по отношению к 1990 г. – 90%.⁴

* Номинальное и реальное обесценение рубля происходило с декабря 1997 по декабрь 1998 г. Девальвация не была временной мерой. К декабрю 1999 г. реальный обменный курс рубля к доллару восстановился лишь незначительно и составлял только 55% от уровня декабря 1997 г.⁵

** Несмотря на предупреждения неолиберальных экономистов, вслед за ослаблением фискальной и денежной политики, а также окончанием действия девальвации рубля последовало серьезное снижение темпов инфляции. Годовые темпы инфляции на потребительские товары снизились с 84% в 1998 г. до 37% в 1999 и далее до 20% в 2000 г. вопреки начавшемуся в том году экономическому росту.

*** Используя пересмотренные недавно Госкомстатом данные, отметим, что к 2003 г. российский ВВП составил 79% от уровня 1990 г., и это означает, что Россия при сохранении наметившейся динамики роста сможет выйти по величине ВВП на уровень 1990 г. на два года раньше, т. е. к 2007 г.⁶

сырой нефти и газа, других первичных материалов и металлопродукции. С середины 1990-х годов минеральные продукты составляют от 40 до 60% российского экспорта в страны дальнего зарубежья. Если к этому добавить экспорт металлов, драгоценных камней, а также изделий из них, то общая доля первичной продукции составит 70–80% экспорта. В 2003 г. вследствие повышения цен на нефть на мировом рынке доля нефти и газа в общем объеме российского экспорта возросла до 55%.⁹

Соотношение темпов роста российского экспорта и роста ВВП характеризуется следующим образом: в 1995 г. чистый экспорт составлял 3,4% от ВВП; 1996 – 4,1; 1997 – 2,9; 1998 – 6,7; 1999 – 17,0; 2000 – 20,1; 2001 – 12,6; 2002 – 10,7; в 2003 г. – 11,5%.¹⁰ В течение последних трех лет экономического спада в России (1995–1997 гг.) чистый экспорт товаров и услуг составлял от 3 до 4% ВВП, что означает наличие большого положительного торгового сальдо. Однако для крупной и богатой ресурсами страны такое сальдо является вполне естественным. В 1998 г. величина положительного торгового сальдо выросла до 6,8% ВВП, что было обусловлено ростом экспорта и сокращением импорта вследствие девальвации рубля, а также сокращением масштабов национальной экономики.

С 1999 по 2003 г. доля российского чистого экспорта в ВВП была чрезвычайно высокой, колеблясь в пределах от 10,7 до 20,1%. Она позволяет оценить степень влияния экспорта на рост российского ВВП с 1999 г. Более того, динамика этого показателя также свидетельствует о том, что российская экономика в указанный период росла намного медленнее, чем ее ВВП. Совокупные национальные расходы, т. е. сумма агрегированного потребления, инвестиций и правительственных закупок, возрастали в 1998–2003 гг. в среднем в год только на 3,7%, тогда как рост ВВП в тот же период составлял 6,7%.¹¹ Объяснение этого разрыва заключается в том, что около 45% роста российского ВВП начиная с 1998 г. уходило за рубеж, не принося пользы для национальной экономики в форме роста потребления, инвестиций или общественных услуг. Это в высшей степени нежелательный результат для страны, чья экономика пережила такой значительный спад после 1990 г.

Получается, что рост российской экономики в последние годы является неустойчивым и в значительной степени зависит от очень высоких цен на нефть. Когда цены на нефть вернутся на свой обычный уровень, темпы роста российской экономики непременно резко понизятся, и в экономике вновь может наступить спад. Россия имеет очень ограниченный внутренний рынок – доходы большинства населения невелики, люди направляют свои расходы на приобретение товаров первой необходимости. Небольшой класс сверхбогатых людей в России наряду с небольшим средним классом предпочитают отечественной продукции импортные товары.

Здоровый экономический рост затрудняется деноминативацией российской экономики, которая берет начало в 1992 г. Неожиданное устранение контроля почти над всеми ценами в январе 1992 г. породило галопирующую инфляцию, тогда как жесткая денежная политика предотвратила рост денежной массы в соответствии с потребностями экономики. В результате в середине 1990-х годов широко распространенным явлением стали бартеризация экономики и неплатежи поставщикам и наемным работникам в течение продолжительного времени как в частном секторе, так и в государственном. В 1994–2001 гг. отношение денежной массы M2 к номинальному ВВП составляло от 9 до 16%. Для сравнения – в США в те же годы это соотношение было стабильно равным 50%.¹² В 2002–2003 гг. соотношение денежной массы M2 и номинального ВВП повысилось, достигнув 19,7% в 2003 г., что в значительной степени было обусловлено денежным эффектом огромного положительного сальдо у России по текущим операциям. Однако деньги в России по-прежнему остаются чрезмерно дефицитным ресурсом.

Россия пережила больше чем деноминативацию – она пережила крупную демодернизацию. Диверсифицированная, высокоиндустриализованная экономика,

характерная для России в 1990 г., превратилась в экономику, которая сегодня фокусируется вокруг добычи и в определенной степени начальной обработки природных ресурсов на экспорт. Выпуск продукции по отраслям промышленности в России в 2003 г. по сравнению с 1990 г. (1990 г. – 100%) составил: промышленность в целом – 66%, электроэнергия – 77, газ – 97, добыча нефти – 94, переработка нефти – 70, черная металлургия – 79, цветная металлургия – 80, химическая и нефтехимическая промышленность – 67, машиностроение – 54, целлюлозно-бумажная отрасль – 48, строительные материалы – 42, легкая промышленность – 15, пищевая – 67%.¹³ К 2003 г. производство природного газа составляло 97%, а добычи нефти – 94% от уровня 1990 г. Частичное восстановление исходных позиций наблюдалось также в черной и цветной металлургии, производство в которой достигло в том же году 79–80% от уровня 1990 г. В отличие от этих секторов объем производства в пищевой промышленности составлял только 67%, машиностроении – 54, производстве строительных материалов – 42, легкой промышленности – 15% от уровня 1990 г.

В соответствии с данными системы национальных счетов России доля нефтегазового сектора составляет 8% от ВВП. Однако этот показатель не в полной мере отражает действительный вес данного сектора в российской экономике по причине преобладания в нем схем трансфертного ценообразования. Производители нефти и газа в России обычно продают свою продукцию родственным торговым компаниям, как в России, так и за рубежом, ниже рыночных цен. Впоследствии торговая компания перепродает эту продукцию по мировым ценам. Использование этих схем преследует цель избежать уплаты налогов, уклониться от требования обязательного возврата валютной выручки и, таким образом, стимулирует нелегальное бегство капитала и/или допускает воровство доходов компании инсайдерами.

В исследовании Мирового Банка был подсчитан эффект влияния схем внутреннего трансфертного ценообразования (поскольку они являются легальными и их можно найти по записи) на масштабы нефтегазового сектора. После отнесения доходов ассоциированных торговых компаний на счет компаний-производителей углеводородного сырья было обнаружено, что реальная доля ВВП, создаваемая в нефтегазовом секторе, составляет не 8, а 20%. Таким образом, хотя в этом секторе занято только около 1% российской рабочей силы, в нем с учетом трансфертного ценообразования создается не менее 20% российского ВВП.¹⁴

С точки зрения жизненного уровня, большая часть российского населения в результате перехода к рыночным отношениям была отброшена назад и вынуждена полагаться на примитивные методы самообеспечения, чтобы выжить. Результаты одного исследования, проведенного в 1999 г., показали, что для 55% российских домохозяйств продукция, производимая самостоятельно на своих дачных участках, составляла половину и более потребляемых продуктов.¹⁵ Печальным свидетельством демодернизации России служит крупномасштабное воровство отчаявшимися людьми медных электрических проводов. Для многих из них этот промысел закончился весьма трагически – люди получали увечья или погибали от электрического шока.

Быстрая приватизация в России заслуживает критики за ее экономическую бесперспективность, поскольку в начале трансформации в России не существовало легитимного класса зажиточных людей, которые могли бы приобрести государственные предприятия. Они (причем наиболее ценные из них) были просто отданы государством «своим людям» (инсайдерам) или захвачены беспринципными управленцами, часто состоявшими в альянсе с криминальными группировками.¹⁶ Те люди, которые получили контроль над бывшей госсобственностью, как правило, были заинтересованы только в

что подтверждают данные о спаде совокупных инвестиций, приводившиеся выше. Например, как утверждает П. Хлебников, потенциально прибыльный «АвтоВАЗ», крупная автомобилестроительная компания в Тольятти, систематически разграблялся в 1990-е годы альянсом, в который входили ее собственные топ-менеджеры и Б. Березовский, известный олигарх, бывший в течение нескольких лет близким человеком к семье Ельцина.¹⁷ Лица, получившие контроль над нефтью, газом и другими ценными активами советского наследия, стали сказочно богатыми за одну ночь, при этом большая часть этого богатства была отправлена за рубеж.

Социальные последствия трансформации в России являются такими же жестокими, как и экономические. В соответствии с неолиберальной стратегией государство было отстранено от регулирования экономики. Позиции государства были сильно подорваны в результате резкого урезания государственных расходов, снижения реальной зарплаты в государственном секторе и неспособности своевременно выплачивать заработную плату государственным работникам. Как и следовало ожидать, тот вакуум, который образовался во власти в результате устранения государства, был заполнен криминальными элементами. В начале 1990-х годов появились криминальные группировки, которые начали открытую войну за контроль над сферами влияния в Москве и на территории всей России.¹⁸ Многие директора госпредприятий устранились физически после того, как контроль над предприятиями переходил в руки новых хозяев.

В течение 1990-х годов организованная преступность прошла дикую, конкурентную стадию и затем с появлением небольшого числа сверхбогатых олигархов, приобретших контроль над наиболее ценными активами, включая собственность в сырьевом секторе, производственные компании и медиа империи, перешла на стадию олигополии. Олигархи соединили безжалостность со способностью устанавливать и поддерживать связи с высокопоставленными государственными чиновниками, которые раздавали недавно приватизированные предприятия. Империя каждого олигарха включала службу безопасности, укомплектованную хорошо подготовленными кадрами, бывшими в прошлом элитой Советской Армии и разведки. Даже на стадии олигополии Россия осталась высококриминализированной страной. В июле 2004 г. в американского журналиста Пола Хлебникова, крупнейшего западного специалиста по методам, которые использовали российские олигархи в накоплении богатства, стрелял убийца на улице в Москве. Заказчики многих убийств бизнесменов и журналистов в России редко находятся.

После того как пост Президента занял В. Путин, много стало говорить о преследовании олигархов. Однако это можно истолковать неверно. Вступив в должность, В. Путин провел широко разрекламированную в СМИ встречу с наиболее крупными олигархами, во время которой пообещал, что не будет пересматривать вопросы собственности и, в свою очередь, ожидает от собравшихся людей не вмешиваться в политику и не подвергать критике проводимую им политическую линию. Впоследствии В. Путин подверг преследованию тех олигархов, которые оспаривали в своих СМИ его политические действия, финансировали оппозиционные политические фигуры или, как в случае М. Ходорковского, намеревались выставить свою кандидатуру на президентских выборах. Вместе с тем олигархи, которые соблюдали рамки, установленные В. Путиным, были оставлены в покое. Не стоит забывать, что даже Б. Ельцин время от времени обрубивался на олигархов, когда те делали то, что сердило его.*

* В декабре 1994 г. отряд президентской охраны Б. Ельцина жестоко избил охранников олигарха В. Гусинского, заставив последнего бежать в Лондон. Б. Ельцин был возмущен критическим тоном, которым освещалась НТВ, принадлежавшей В. Гусинскому компанией, первая чеченская война, а также недоволен финансовыми связями В. Гусинского с конкурентом Б. Ельцина – Юрием Лужковым, мэром Москвы.¹⁹

Усиление государства – главная цель политики В. Путина. Может показаться, что новая власть отказалась от неолиберализма в пользу стратегии «управляемого» перехода к рынку под руководством государства. Однако такой вывод не имеет письменных подтверждений. Скорее можно говорить о том, что политическая линия В. Путина сочетает в себе усиление централизации политической власти в Москве и государства, становящегося более репрессивным и менее демократичным, при сохранении приверженности неолиберальной экономической стратегии. Российское Правительство не продемонстрировало признаков перехода к стратегии «управляемой» экономической трансформации под руководством государства.

Экономический спад и социальный хаос в постсоветской России являются закономерным результатом использования Россией с 1992 г. неолиберальной стратегии перехода к рынку. Одномоментная либерализация цен породила галопирующую инфляцию, которая привела к обнищанию большинства населения и ослаблению государства. Хаос, вызванный галопирующей инфляцией и неожиданной ликвидацией системы государственного управления предприятиями в сочетании с демонетизацией, обусловленной жесткой денежной политикой, лишил экономических агентов стимулов для осуществления производственных инвестиций. В условиях резкого падения потребления и спроса на инвестиции значительное сокращение государственных расходов – третьего важного компонента совокупного спроса – обеспечило глубокую и длительную депрессию. Немедленная внешнеэкономическая либерализация означала заполнение рынка импортной продукцией, на которую переключилась большая часть населения, ориентированного на внутренний рынок, одновременно это также позволило «новым русским» переводить за рубеж полученную нечестным путем прибыль.* Быстрая приватизация государственных предприятий привела к росту влиятельного и сильно криминализованного класса, который в большой степени ориентирован на краткосрочное разграбление предприятий, чем на их долгосрочное развитие. Несмотря на выполнение рекомендаций МВФ, Россия не была вознаграждена сколько-нибудь значительным притоком западных инвестиций. Прямые иностранные инвестиции в России составляли только 0,3% от ВВП в 1992–1995 гг. и 0,7% в 1996–1999 гг.²¹

Основная задача неолиберальной стратегии перехода к рынку – отстранение государства от участия в этом процессе – оказалась полностью несостоятельной. Авторы этого подхода, похоже, верили в то, что эффективная рыночная экономика возникнет автоматически, если государство просто уйдет с дороги. Вместо этого данный подход вызвал хаотическую ситуацию, в которой возможна только ориентация на получение краткосрочного выигрыша. Преследование прибыли в таких условиях приводит не к осуществлению производственных инвестиций, а к непродуктивной деятельности, включая спекуляцию на земле и ценных бумагах, краже доходов предприятий, различным формам мошенничества, незаконному присвоению общественных фондов, «крышеванию».

Следование этой стратегии в такой богатой природными ресурсами стране, как Россия, делало неизбежным то, что Россия, используя свое сравнительное преимущество, опустится до статуса ресурсоэкспортирующей страны, поскольку ее промышленность ослабнет, пока капиталистический мировой рынок будет с радостью покупать ее природное сырье. Такой статус является нежелательным для долгосрочного развития любой страны. Однако подобная специализация еще более разрушительна для такой страны с большим, урбанизированным и хорошо образованным населением, как Россия, чем для небольшой страны, как, например, Кувейт. В результате «окувейчивания» России небольшая часть населения, которая нашла способ присваивать часть доходов от экспорта природных

* Масштабы нелегально вывозимого капитала составляют с 1992 г. около 20 млрд долл. в год.²⁰

ресурсов, процветает, тогда как большинство остальных жителей не имеют возможности найти себе применение в новой российской экономике. Сокращение населения России с 1991 г. за счет снижения рождаемости и увеличения смертности может рассматриваться как подтверждение факта отсутствия у большинства российского населения такой возможности.*

2. Экономическая трансформация в Китае

В Китае переход к рыночной экономике начался в 1978 г. В отличие от России, переходу Китая от плановой к рыночной экономике не предшествовал длительный период стагнации. С 1952 г. (год, предшествовавший началу реализации 1-го пятилетнего плана) вплоть до 1978 г., когда начался переход к рыночной экономике, ВВП Китая возрастал в среднем на 6,1% в год. В период с начала культурной революции в 1966 г. до 1978 г. среднегодовой темп роста ВВП Китая составлял 5,9%, а на протяжении пяти лет, предшествовавших 1978 г., средний темп роста был 5,6% в год.²³ Таким образом, показатели темпов экономического роста в Китае были достаточно высокими, хотя и ниже тех, что наблюдались после 1978 г.**

Когда Китай в конце 1970-х годов приступал к экономическим реформам, западные специалисты рекомендовали ему использование такой же неолиберальной стратегии, которая позже была навязана России и другим странам Восточной Европы и Центральной Азии. Однако китайское руководство проигнорировало рекомендации Запада и через некоторое время выработало свою модель перехода к рыночной экономике. Китайская стратегия перехода включала в себя следующие элементы: 1) постепенную либерализацию цен; 2) длительное откладывание приватизации государственных предприятий; 3) сохранение на некоторое время системы государственного управления крупными государственными предприятиями; 4) увеличение государственных расходов, особенно государственных инвестиций, как в государственные предприятия, так и в инфраструктуру; 5) в целом экспансионистскую денежную политику; 6) сохранение в государственной собственности банковской системы; 7) государственный контроль над внешней торговлей и движением капитала. Вместо того чтобы надеяться на становление рыночной экономики на базе прежних государственных предприятий, Китай поддерживал развитие новых негосударственных предприятий, ориентированных в своей деятельности на рынок.

Китайская стратегия перехода к рынку не имеет почти ничего общего с неолиберальным подходом, который использовала Россия. Во всех ключевых вопросах Китай придерживался противоположной от России стратегии. Вместо одномоментной либерализации цен в Китае контроль над ценами устранялся постепенно. В 1991 г., т. е. спустя 13 лет после начала реформ, более четверти розничных цен устанавливалось или контролировалось государством.²⁴ Накануне вступления в ВТО в 2001 г., через 23 года после начала реформ, Китай был вынужден отменить по-прежнему сохранявшийся контроль над ценами еще по 128 позициям.²⁵

В России уже к концу 1994 г., т. е. спустя всего три года после начала трансформации, на долю приватизированных (бывших государственных) предприятий приходилось 78,5%

* Коэффициент смертности в России вырос с 11,2 промилей в 1990 г. до 15,5 в 1994 г. и затем, после некоторого снижения в 1998 г., поднялся до 16,5 в 2003 г. Коэффициент рождаемости снизился с 13,4 промилей в 1990 г. до 9,3 в 1995 г. и 8,3 в 1999 г., затем немного повысился до 10,3 в 2003 г. Смертность превышает рождаемость с 1993 г. на 5–6 промилей, что означает существенное естественное сокращение населения с течением времени.²²

** За показателями средних темпов роста скрываются серьезные отклонения в различную сторону. В отличие от бывшего СССР, в Китае в период плановой экономики в отдельные годы наблюдалось сокращение ВВП, в частности в период 1959–1962 гг. (период «Большого скачка») и в 1966–1968 гг. (начало культурной революции).

промышленного производства.²⁶ Напротив, в Китае масштабная приватизация государственных предприятий началась только в 1996 г., через 18 лет после начала реформы. К приватизации же крупных госпредприятий вообще приступили только в последние годы. Таким образом, в Китае после начала реформ государство продолжало управлять и поддерживать крупные госпредприятия, только постепенно ослабляя регулирование по мере того, как они набирались опыта работы в рыночных условиях.

Подтверждением отличного от России подхода к госсектору служит то, что в период с 1978 по 1991 г. доля промышленного производства, создававшаяся крупными госпредприятиями, сократилась только с 41,5 до 40,7%.²⁷ И общественные расходы, и общественные инвестиции постоянно возрастали, а не сокращались, как в случае России.* Если в России жесткая денежная политика привела к демонетизации, в Китае отношение денежной массы М2 к ВВП стабильно возрастало после 1978 г., увеличившись с 24% в 1978 г. до 70% в 1990 г. и 152% к 2001 г.²⁹ Китай не стал приватизировать банки, как это сделали в России, а оставил финансовую систему в руках государства. Вместо быстрого устранения барьеров во внешней торговле и движении капитала был сохранен весомый контроль над этими сферами.

Китайский вариант перехода к рыночной экономике представляет собой скорее «передачу», а не «сдачу». Совокупность предпринятых в Китае мер способствовала развитию новых негосударственных предприятий, которым было позволено работать за рамками директивного планирования. Этот сектор разрастался быстро в симбиотической связи с государственным сектором. В таблице представлены данные об изменении в течение первых двадцати лет рыночных реформ доли предприятий различных форм собственности (государственных, коллективных и частных) в промышленном выпуске. Так, в течение первого десятилетия доля госпредприятий сокращалась постепенно – на этот сектор приходилось по-прежнему более половины промышленного производства. Затем доля госсектора стала сокращаться более быстрыми темпами – к 1998 г. в нем создавалось уже только ¼ промышленного выпуска. Доля коллективных предприятий возрастала в течение первого десятилетия, затем стабилизировалась на уровне 34–36%. На частный сектор, который был возрожден только в 1978 г., через десять лет после начала реформ приходилось менее 10% промышленного выпуска – доля последних начала быстро возрастать только во второй декаде, достигнув к 1998 г. 37,5%. В то время как за период 1978–1998 гг. удельный вес госпредприятий в промышленном выпуске сократился, темп роста в этом секторе на протяжении этих лет был равным в среднем 6,9% в год.³⁰

Результатом китайской стратегии «управляемого» перехода к рынку стал экономический рост. В отличие от стран, избравших неолиберальную стратегию, Китай избежал депрессии на начальном этапе проведения реформы. После 1978 г. Китай не пережил ни одного экономического спада – за все время экономической реформы самый низкий показатель темпов роста ВВП был зарегистрирован в 1990 г. и составил 3,8%. Среднегодовой темп роста ВВП в период с 1978 по 2003 г. на уровне 9,3% был самым высоким показателем среди крупных стран мира. ВВП Китая за тот же период вырос более чем в девять раз.

В отличие от России в Китае с 1978 г. наблюдался быстрый рост инвестиций. В течение 1978–2003 гг. доля совокупных инвестиций в ВВП составляла в среднем 37,3%.³¹ На государственные инвестиции приходилось более половины всех капиталовложений, хотя их доля со временем сокращалась – с 67% в период 6-й пятилетки (1981–1985) до 52,3% в 9-й пятилетке (1996–2000).³²

* В течение 1981–1995 гг. общественные инвестиции возрастали более чем на 2% быстрее, чем ВВП.²⁸

Доля промышленной продукции государственных, коллективных и частных предприятий в Китае (в %)

Год	Государственные предприятия	Коллективные предприятия	Частные предприятия
1978	77,6	22,4	0,0
1983	73,4	25,7	0,9
1988	56,8	36,1	7,1
1993	47,0	34,0	19,0
1998	26,5	36,0	37,5

Источник: China Statistical Yearbook. National Bureau of Statistics of China. Beijing, 1979–1999.

Несмотря на отказ следовать неолиберальной стратегии, на которой настаивал МВФ, Китай смог привлечь очень большой объем прямых иностранных инвестиций. Вместе с тем до начала 1990-х годов приток иностранного капитала в экономику Китая был незначительным – до 1988 г. прямые иностранные инвестиции составляли менее 1% от ВВП, около 1% в 1991 г. и лишь после этого стали быстро возрастать, увеличившись до 6,4% в 1993 г. Таким образом, значительные объемы прямых иностранных инвестиций стали поступать в страну только по прошествии 15 лет после начала экономической трансформации и явились результатом быстрого экономического роста, а не его причиной. Даже во время своего пика в середине 1990-х годов прямые иностранные инвестиции составляли только 10–15% совокупных инвестиций, остальное приходилось на внутренние капиталовложения.

Хотя за годы реформ Китай превратился в крупного мирового экспортера, его экономический рост основывался преимущественно на расширении собственного внутреннего рынка. С 1978–1989 гг. Китай, как правило, имел отрицательное сальдо в торговле товарами и услугами, после 1990 г. баланс торговли товарами и услугами, за исключением 1993 г., являлся положительным и составлял от 4,8% от ВВП в 1997 г. до 1% в 2003 г. В отдельные годы экспорт становился важнейшим фактором экономического роста, вместе с тем зависимость китайской экономики от экспорта никогда не была столь значительной, как у России. При этом следует иметь в виду, что китайский экспорт, в отличие от российского, представлен преимущественно готовой продукцией.*

Быстрый экономический рост Китая нельзя объяснить только использованием стратегии «управляемого» перехода к рынку под руководством государства. Другим ключевым фактором, способствовавшим росту в период перехода к рыночной экономике, стало наличие избыточного предложения рабочей силы, происходящей из сельской местности и являющейся одновременно дешевой и относительно образованной. Наличие такого предложения и объясняет быстрый рост новых негосударственных предприятий.

Нетрудно заметить зависимость между особенностями китайской стратегии перехода к рынку и принципиально отличными от России экономическими результатами реформ. Постепенная либерализация цен позволила Китаю избежать галопирующей инфляции и экономического хаоса. В начальный период трансформации вновь созданные негосударственные предприятия могли рассчитывать на покупку необходимых ресурсов у государственных предприятий по низким, стабильным и контролируемым ценам.

Удержание крупных госпредприятий в руках государства и сохранение государственного контроля за их деятельностью позволили поддерживать высокую норму

* На мировом рынке Китай превратился в одного из импортеров сырья и экспортеров готовой продукции. Китай стал уязвимым к спадам западных капиталистических экономик, которые оказывают существенное тормозящее воздействие на его экономический рост.

инвестиций, в отличие от России, где новые приватизированные и подвергшиеся дерегулированию предприятия в конечном итоге прекратили осуществлять инвестиции. Сохранение в государственной собственности банковской системы позволило направлять кредит на осуществление производственных инвестиций, а не на совершение преимущественно спекулятивных операций, как в России, которые финансировались новыми российскими частными банками. Крупные госпредприятия имели возможность постепенно подстраиваться к рыночной системе, так как контроль над ценами и контроль со стороны государства за их работой также ослабевали постепенно.

Экспансионистская фискальная и денежная политика в Китае способствовала экономическому росту за счет стимулирования спроса и поощрения заимствований на производственные цели. Когда темпы инфляции возрастали, государство предпринимало прямые интервенции для того, чтобы поставить ее под контроль, а не полагалось на слепой инструмент жесткой денежной политики. Быстрый экономический рост в Китае поддерживался также за счет реализации крупных государственных программ инвестирования в транспорт, энергетику, коммуникации и другие отрасли инфраструктуры.

Государственное регулирование внешней торговли и движения капитала в Китае позволило китайским производителям постепенно перейти к выпуску более высококачественных и высокотехнологичных товаров. Государственный контроль за движением капитала позволил привлечь желаемые прямые инвестиции и избежать притока краткосрочного капитала, который в случае малейшей нестабильности может «убегать» из страны, как это случилось в других азиатских странах в 1997 г. и в России в 1998 г.*

Опыт Узбекистана служит доказательством того, что резкое отличие результатов рыночной трансформации в России и Китае может быть объяснено в первую очередь использованием этими странами различных стратегий перехода – неолиберальной и управляемой государством. Узбекистан является единственной бывшей советской республикой, которая полностью отвергла неолиберальный подход и вместо этого сделала ставку на использование стратегии «управляемого» перехода к рынку, которая в определенном отношении, хотя и не полностью, напоминала китайскую стратегию рыночной трансформации. Узбекистан имел отличные от Китая исходные экономические, демографические и географические условия и хотя был не в состоянии избежать рецессии – она была непродолжительной и неглубокой. В течение 1991–1995 гг. ВВП сократился на 18,4 %, затем вырос на 26,2 % в период 1996–2001 гг. К 2001 г. Узбекистан стал первой из бывших советских республик, превысившей уровень ВВП 1989 г.³³ Это породило так называемую загадку роста узбекской экономики, а именно: вопрос о том, каким образом Узбекистан, проигнорировавший совет МВФ, смог добиться самых высоких из числа бывших советских республик показателей экономического роста? Ответ заключается в том, что решение проигнорировать совет МВФ позволило Узбекистану избежать экономической катастрофы, которая неизменно наступает в результате строгой приверженности неолиберальной стратегии перехода к рыночной экономике.

3. Противоречия стратегии «управляемой» рыночной трансформации

Противоположные результаты рыночной трансформации в России и Китае не являются случайностью. Есть основания считать, что успешный переход от плановой к рыночной экономике может происходить только при условии активного руководства со стороны государства. Можно привести два основных довода в пользу данного утверждения. Первое – это то, что действия частных лиц, преследующих собственную выгоду, сами по себе не могут

* Сохраняющийся в Китае контроль за движением капитала позволил ему устоять в период финансового кризиса, охватившего Юго-Восточную Азию в 1997 г.

трансформировать плановую систему в хорошо функционирующую рыночную экономику. Только государство на основе активной политики может создать условия для успешного перехода. Второе – такой переход занимает значительный период времени. В переходный период население должно обеспечиваться товарами и услугами. Единственно возможный путь для достижения этой цели – это параллельное формирование новых рыночных отношений при одновременном сохранении старой системы.

Попробуем более полно раскрыть первый из приведенных доводов. Трансформация предполагает крупные структурные изменения в каждом звене экономической системы. Начальной точкой такой трансформации служит особая экономическая структура, включающая специфическую структуру промышленности, тип поведения предприятий и культуру менеджмента, особую финансовую систему и другие составные части, которые хорошо отвечали принципам функционирования плановой экономики. Имея в качестве отправной точки плановую экономику, следовало сформировать другие отличные институты, лежащие в основе функционирования рыночной системы. Простая отмена централизованного планирования и приватизация производственных и финансовых институтов не приводят к появлению работающей рыночной экономики. Если общество, экономика которого базировалась на центральном планировании, ликвидирует плановую систему, приватизирует предприятия и изменит мотивацию экономической деятельности, выдвигая на первый план задачу получения прибыли, то в этом случае действия отдельных индивидов, заинтересованных в личной выгоде, не приведут к общественно желаемым результатам, о которых писал А. Смит. Вместо этого начинается соперничество между теми индивидами, которые выказывают претензии на наиболее ценные экономические активы общества, становящиеся доступными для частного владения. Большая часть продуктивных элементов централизованно планируемой экономики может функционировать должным образом только в рамках этой системы. В случае ее ликвидации большая часть предприятий, в прошлом производивших для населения товары и услуги, начинают представлять ценность преимущественно с точки зрения того, что может быть украдено на них и продано на рынке.

Государство является единственным институтом в обществе, которое имеет право осуществлять руководство процессом перехода от централизованно планируемой к рыночной экономике. В отличие от индивидов, государство может формулировать общенациональные цели трансформации экономической системы и предпринимать необходимые шаги для осуществления этой трансформации. Для того чтобы осуществить это, государство должно создать условия для продуктивного применения полученной индивидами прибыли. Роль государства в условиях перехода должна состоять как минимум в следующем: 1) гарантировании адекватного недорогого финансирования для производственной деятельности, ориентированной на рынок; 2) обеспечении растущего совокупного спроса; 3) осуществлении необходимых инвестиций в развитие соответствующей инфраструктуры для создания производственных и торговых предприятий нового типа, которые будут развиваться в рыночной экономике; 4) защите, по крайней мере в течение определенного времени, местных производителей от чрезмерной иностранной конкуренции. Все из перечисленных выше функций государства на этапе перехода к новой экономической системе не согласуются с принципами неоллиберальной стратегии.

Второй аргумент, приведенный выше, также важен для понимания необходимости активной роли государства на этапе перехода к рынку. Для создания работающих рыночных институтов требуется длительный период времени. Если институты централизованного планирования просто ликвидируются, то не остается никаких эффективных средств для производства товаров и услуг, необходимых населению для поддержания жизнедеятельности в переходный период. Поэтому единственно возможный путь для

поддержания жизненного уровня населения на этапе трансформации – это сохранение прежней системы централизованного планирования и государственных предприятий до тех пор, пока эту роль не начнут выполнять ориентированные в своей деятельности на рынок предприятия. Это именно то, что произошло в Китае и что не было выполнено в России.*

Если стратегия «управляемого» перехода к рынку является эффективной, а неолиберальная – нет, тогда почему почти все страны с переходной экономикой предпочли неолиберальную стратегию? В последнее время неолиберальные идеи становятся все более популярными даже в Китае, и, вероятно, Китай также может отказаться от стратегии перехода к рыночной экономике под управлением государства в пользу неолиберальной стратегии. Похоже, что, несмотря на резкую разницу результатов вследствие использования этих двух подходов, существуют влиятельные социальные силы, выступающие в поддержку неолиберальной стратегии. Здесь не идет речь о внешнем влиянии западных неолиберальных экономистов и МВФ. Эти социальные силы существуют внутри каждой страны с переходной экономикой.

Первоначальный выбор неолиберальной стратегии перехода в постсоветской России был результатом следования новым российским политическим руководством рекомендациям Запада о необходимости принятия Россией неолиберальной стратегии. Выбор этой стратегии в конце 1991 г. стал причиной экономической катастрофы. Реализация неолиберальной стратегии привела к разрушению большей части российской промышленности. Если отстраниться от долгосрочных интересов обычных россиян, возникает вопрос, почему те лица, в чьих руках была сосредоточена большая часть российского производственного потенциала, сильно подорванного реализацией неолиберальной стратегии, не потребовали корректировки курса? Почему в течение четырнадцати лет экономической трансформации Россия продолжала использовать стратегию, приведшую к демодернизации и обнищанию страны?

Ответ, похоже, заключается в том, что стратегия «управляемого» перехода препятствует максимально возможному обогащению влиятельных лиц. Например, в российском машиностроении новые владельцы предприятий скоро обнаружили, что неолиберальная стратегия позволяет им сколачивать огромное личное состояние путем обкрадывания различными методами своих предприятий, хотя на деятельности самих предприятий реализация неолиберальной политики сказывалась весьма негативно. Неолиберальная стратегия также позволяла тратить «выжимаемые» из предприятий средства на приобретение предметов роскоши и переводить остальные средства за рубеж на хранение. Новая российская элита покупает в основном импортные товары и направляет своих детей учиться за границу. Экономический кризис практически никак не затронул эту категорию лиц. Переход к стратегии «управляемого» перехода к рынку ограничил бы возможности элиты в максимизации персонального состояния и свободу в распоряжении своими доходами. В случае использования стратегии «управляемого перехода» экономическая прибыль направляется на инвестиции, общественные и частные, а не на потребление предметов роскоши и «бегство» капитала.

Обычные люди в России заметно выиграли бы от перехода к стратегии «управляемой» рыночной трансформации. Однако влияние простых граждан в России на выработку государственной политики невелико. Политика определяется новой элитой, которая выигрывает от текущего положения дел, даже если обрекает нацию на мрачное будущее.

В соответствии с неолиберальной идеологией политика *Laissez faire* не только хороша для зажиточной и влиятельной части общества, но также является и самой лучшей для

* На этапе перехода к рыночной экономике Россия не смогла сохранить прежнюю плановую систему, что вынудило большинство населения полагаться на примитивные методы обеспечения себя продовольствием.

экономического прогресса страны. Эта идеология имеет огромную притягательную силу для богатых и власть имущих, поскольку она оправдывает свободу их дальнейшего беспрепятственного обогащения. Всякого рода исторические свидетельства, исторический опыт по силе воздействия на элиту не могут сравниться с фактором ее материальной заинтересованности.

Похожий процесс, возможно, происходит сегодня в Китае. Неолиберальные идеи становятся там весьма популярными. Вступив в 2001 г. в ВТО, Китай взял на себя обязательство отказаться от некоторых элементов своей стратегии «управляемого» перехода к рынку. В последние годы существует серьезное намерение приватизировать все крупные госпредприятия, а многие работники госпредприятий подлежат увольнению.* Возможно, что влиятельные лица в Китае видят перспективу для обогащения, которое станет возможным при использовании неолиберальной стратегии и которое заблокировано при нынешней политике. Даже директора госпредприятий, которые от перехода к неолиберальной стратегии скорее пострадают, чем выиграют, возможно, усматривают в таком изменении потенциальную выгоду для себя. Это может быть фактором, подталкивающим Китай к смене стратегии.

Личная заинтересованность влиятельных экономических игроков может объяснить то, почему стратегия перехода к рыночной экономике под управлением государства, несмотря на ее эффективность, на практике применяется редко и, даже если успешно используется в течение определенного времени, вызывает политическое давление с целью отказа от этой стратегии. То же самое можно сказать и о применении стратегии «управляемого» развития, которая успешно была реализована в Республике Корея после Второй мировой войны. С 1990 г. Корея под нажимом влиятельных бизнесменов и давлением западных стран постепенно перешла к использованию неолиберальной стратегии. Китайская стратегия под руководством государства нацелена и на стимулирование экономического развития, и на осуществление рыночной трансформации.

Если Китай откажется от прежней стратегии и примет неолиберальный подход, результат для экономического развития Китая, скорее, будет негативным. Можно сказать, что на сегодняшний день Китай после 25 лет проведения рыночной реформы в общих чертах завершил переход к рыночной экономике. В настоящее время в госсекторе производится только около ¼ промышленной продукции. Однако Китай по-прежнему сохраняет статус развивающейся страны. Если ключевые элементы стратегии «управляемого» развития будут отменены, тогда скорее всего Китай сохранит нынешнюю специализацию страны в мировом разделении труда, которая в основном сводится к производству недорогой низко- и среднетехнологичной продукции. Доля инвестиций в ВВП резко снизится, а экономический рост либо замедлится, либо полностью прекратится.

Принятие неолиберальной стратегии в Китае создаст угрозу социальной стабильности. Поворот к рыночной экономике, повлекший быстрый экономический рост, также породил серьезные проблемы. Сюда относятся резкое возрастание неравенства, быстрый рост отряда мигрантов, которые не могут быть обеспечены регулярной работой в крупных городах, небезопасные и нездоровые условия работы на некоторых предприятиях и серьезная экологическая деградация. Трудно предположить, каким образом эти проблемы смогут быть решены в Китае в случае перехода последнего к неолиберализму. Такой переход, скорее, только усугубит все отмеченные выше негативные тенденции.

* Один исследователь подсчитал, что в течение 1996–2001 гг. с госпредприятий было уволено около 36 млн работников.³⁴

Заключительные комментарии

Несмотря на широко распространенную в последнее время популярность неолиберальных идей и политики, и исторический опыт, и рациональные доводы свидетельствуют о том, что неолиберальная стратегия экономической трансформации неэффективна и не позволяет достигнуть выдвигаемых ею целей. Единственно эффективной стратегией осуществления экономической трансформации или экономического развития является стратегия перехода или развития под управлением государства. Однако, похоже, что реализация этой стратегии вопреки ее эффективности приводит к саморазрушению. Прослойка зажиточных и влиятельных лиц в конечном итоге подтолкнет общество к переходу на неолиберальную стратегию развития. Большую помощь в достижении этой цели оказывает влияние неолиберальной идеологии.

Возможно ли вообще использование стратегии «управляемого» развития в течение продолжительного периода времени? Вероятно, что такое возможно только в обществе, в котором нет состоятельной и влиятельной элиты, а политическая и экономическая власть принадлежит простым гражданам. Это значит, что реализация стратегии «управляемого» перехода в течение продолжительного времени возможна только в рамках демократической социалистической системы, которая полагается на общественную собственность и экономическое планирование. В такой системе нет богатой элиты, которая могла бы способствовать выработке политики, не приносящей выгоды большинству населения.

Советская социалистическая система с течением времени стала управляться привилегированной элитой. Когда ее представители в конце 1980-х годов поняли, что социалистическая система препятствует их личному еще большему обогащению и обретению еще большей власти, они разрушили советский строй с целью создания на его месте капиталистической системы.³⁵ Затем, уже в постсоветский период, Россия приняла неолиберальную стратегию перехода к рыночной экономике.

В 1978 г. китайское руководство разрешило использование рыночных механизмов с целью ускорения формирования в Китае социалистической экономики. Экономика отреагировала на это быстрым экономическим ростом. Однако как только сформировалась рыночная экономика, вместе с ней появилась и новая состоятельная элита. Эта элита заинтересована в отказе от использования стратегии «управляемого» развития, что, возможно, является неизбежным результатом перехода к рынку, поскольку в рыночной экономике доходы распределяются очень неравномерно. Те лица, которые преуспевают в рыночной экономике, становятся богатыми и соответственно приобретают в обществе политический вес. Если Китай хочет избежать перспективы, которую сулит ему реализация неолиберальной стратегии, заключающейся в прекращении экономического роста и создании угрозы социальной стабильности, эти уроки должны быть учтены при определении вектора будущего развития экономической системы Китая.

¹ Интервью Мара Лиасон для утреннего выпуска // Национальное общественное радио. 2001. 25 мая.

² Chang H.-J. Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective. London: Anthem Press. 2002. P. 19–24.

³ Kotz D. M., Weir F. Revolution from Above: The Demise of the Soviet System. London, 1997. Ch. 9.

⁴ Russian Federation in Statistical Appendix: IMF Staff Country Report 95/107. International Monetary Fund. Washington, 1995. P. 1; Economic Review Russian Federation. International Monetary Fund. Washington, 1993. P. 86; Short-Term Economic Indicators: Transition Economies. Paris: Organization for Economic Cooperation and Development. // OECD. 1995. № 1. P. 194; № 2. P. 102; Россия в цифрах: Краткий стат. сб. Госкомстат. М., 2004. Табл. 1.2.

⁵ Россия в цифрах. М., 2001. Табл. 25.4. С. 385; табл. 23.12. С. 345.

⁶ Россия в цифрах. М., 2004. Табл. 26.1. С. 421.

⁷ Там же. Табл. 25.16. С. 413. – Данные для средних цен на экспорт в страны дальнего зарубежья.

⁸ From Transition to Development: A Country Economic Memorandum for the Russian Federation, draft, April. The World Bank. Washington, 2004. P. 11.

⁹ Ibid. P. 8.

¹⁰ Источник: Россия в цифрах. М., 2001. С. 152; 2004. С. 158.

¹¹ Рассчитано по: Россия в цифрах. М., 2004. Табл. 1.2. С. 32; табл. 12.5. С. 155–156.

¹² Россия в цифрах. М., 2000. Табл. 1.1. С. 27; табл. 20.6. С. 290; 2004. Табл. 1.1. С. 27; табл. 22.6. С. 325; Economic Report of the President. 2004. Table B-1. P. 284; 365. Washington, D.C. – Сравнение доли денежной массы М2 в ВВП для таких разных стран, как США и Россия, в высшей степени несовершенно в силу влияния институциональных факторов, но огромная разница между двумя показателями все же дает приблизительное представление о масштабах деноминации российской экономики.

¹³ Источник: Россия в цифрах. М., 2004. Табл. 14.3.

¹⁴ From Transition to Development: A Country Economic Memorandum for the Russian Federation. P. 8–9.

¹⁵ RFE/RL Newline. Prague: Radio Free Europe // Radio Liberty. 1999. Vol. 3. N 28. Febr. 10. Part 1.

¹⁶ Детальный обзор этого процесса см.: K l e b n i k o v P. Godfather of the Kremlin: The Decline of Russia in the Age of Gangster Capitalism. New York, 2000; F r e e l a n d C h. Sale of the Century: Russia's Wild Ride from Communism to Capitalism. New York, 2000.

¹⁷ K l e b n i k o v P. Op. cit. P. 90–95.

¹⁸ Ibid. P. 11–45.

¹⁹ F r e e l a n d C h. Op. cit. P. 157–168.

²⁰ Institute of International Finance. Capital Flows to Emerging Market Economies. 1999. September 25. P. 10.

²¹ Transition, The First Ten Years: Analysis and Lessons for Eastern Europe and the Former Soviet Union / The World Bank. Washington, 2002. P. 7.

²² Россия в цифрах. М., 2004. Табл. 5.2; K o t z D. M., W e i r F. Revolution from Above: The Demise of the Soviet System. London, 1997. P. 185.

²³ China Statistical Yearbook. National Bureau of Statistics of China. Beijing, 2002. P. 37.

²⁴ China: Internal Market Development and Regulation. The World Bank. Washington, 1994. P. 2, 193.

²⁵ BBC News. China Lifts Price Controls. 2001. July 31.

²⁶ Статистическое обозрение. Госкомстат. М., 1995. С. 41.

²⁷ N a u g h t o n B. What is Distinctive about Chinas Economic Transition? State Enterprise Reform and Overall System Transformation // Journal of Comparative Economics. 1994. N 18. P. 478.

²⁸ Z h u A. Growth, Equity and State Enterprises: International and Chinese Perspectives. 2003.

²⁹ World Development Indicators CD. World Bank. Washington, 2003.

³⁰ China Statistical Yearbook. National Bureau of Statistics of China. Beijing, 1999. P. 37.

³¹ China Statistical Yearbook. National Bureau of Statistics of China. Beijing, 2002; Statistical Communique on the National Economic and Social Development. 2002; 2003. (www.stats.gov.cn.). – В России доля совокупных инвестиций с середины 1998 г. находится в пределах 15–20% от ВВП, что намного ниже соответствующего показателя, наблюдавшегося в бывшем СССР.

³² China Statistical Yearbook. Beijing, 1986; 2001.

³³ K o t z D. M. The Record of Economic Transition and Sources and Features of the Uzbek Growth Puzzle // Growth and Poverty Reduction in Uzbekistan, United Nations Development Programme report / Ed. by A. Giovanni Cornia. New York, 2003.

³⁴ Z h u A. Op. cit.

³⁵ K o t z D. M., W e i r F. Revolution from Above: The Demise of the Soviet System. Ch. 7–8.

Статья поступила в редакцию 24 марта 2005 г.